

Петр Мадайчик

Центр изгнанных и польско-немецкие отношения

Хотя Центр изгнанных еще не построен и неизвестно, вообще ли будет создан, он уже имеет долгую историю. Решение о его строительстве было принято 20 марта 1999 г. президиумом Союза изгнанных (*Bund der Vertriebenen, BdV*), быстро и серьезно осложняя польско-немецкие отношения. Нельзя понять возникшей из-за этой идеи полемики, если хотя бы бегло не напомнить о переменах, наступивших после 1989 г. в Польше и в отношениях Польша-ФРГ в области изучения новейшей истории, в особенности исследования принудительных переселений, совершенных во второй половине сороковых годов. Без учета широкого контекста перемен в коллективной памяти в обоих государствах эмоциональные дискуссии вокруг Центра изгнанных были бы мало понятными.

До конца существования ПНР эта проблематика была исключена из широких научных исследований, то есть писать о ней можно было, только если исключить самые политически неудобные вопросы. Это касалось как восточного, так и западного ее аспектов. Восточным аспектом был обмен населением между Польшей и советскими республиками: белорусской, литовской и украинской. Западным аспектом – принудительное переселение жителей немецкой национальности из Польши в союзнические оккупационные зоны на территории Германии. Второе выселение являлось частью как более широкого процесса принудительных переселений жителей

немецкой национальности (кроме Польши, их выселяли из Чехии, Венгрии, а также Югославии) в результате второй мировой войны, так и более широкого процесса национальной унификации государств Центрально-Восточной Европы, которая коснулась также иных национальных групп. О переселениях на востоке в ПНР говорить было нельзя, так как это напоминало бы проблему трудных отношений Польши с СССР до 1945 г., а также аннексированных СССР польских восточных земель. О переселениях же на западе не говорили потому, что они были связаны с переселениями на востоке и, кроме того, ставили под сомнение миф возвращения на «вновь обретенные земли» и напоминали обременительные для польских властей и поляков невыгодные факты, противоречащие официальному представлению истории¹. Переселение немцев не было также предметом углубленной рефлексии в ФРГ, где подверглось сильной политизации. Кроме того, имелись только односторонние первоисточники, в виде собранных рассказов переселенных.

Ситуация изменилась коренным образом после демократических перемен 1989 г. Преимущественно в Польше, менее в Германии появилось много научных работ, посвященных принудительным переселениям, как с восточных², так и с западных земель. Начало интенсивно развиваться польско-немецкое научное сотрудничество, плодами которого были

¹ Это не значит, что о данных вещах умалчивали; возьмем хотя бы главу Крыстыны Керстен о формировании отношений среди населения в послевоенной Польше в кн. F. Ryszka (red.), *Polska Ludowa 1944-1950. Przemiany społeczne*, Wrocław 1974, s. 74-176, и ее монографию *Repatriacja ludności polskiej po II wojnie światowej*, Wrocław 1974. Определен был, однако, некий круг вещей, о которых можно писать. Добавим, что с конца 60-х гг. вышло несколько научных работ, посвященных переселению немцев из Польши, также, однако, не переходящих допустимых границ.

² Здесь следовало бы назвать работу: J. Czerniakiewicz, *Repatriacja ludności polskiej z ZSRR 1944-1948*, Warszawa 1987, ограничивающуюся цифрами и носящую отпечаток минувшей эпохи. После перелома дополнение к ней написал Эдвард Колодзей, вышло также собрание документов с обширным вступлением: S. Ciesielski (red.), *Przesiedlenie ludności polskiej z Kresów Wschodnich do Polski 1944-1947*, Warszawa 1999; P. Żaróń, *Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej*, Warszawa 1990.

совместные научные проекты³. Следует здесь упомянуть две работы немецких историков молодого поколения: в 1998 г. Филипп Тер сравнил политику, которая велась по отношению к переселенным в ГДР и в Польше, причем воспринял переселение поляков и немцев как часть единого, значительно более широкого исторического процесса, а основным слабым местом немецкой историографии назвал упущение этой связи. В том же году была издана книга Михаэля Г. Эша, в которой автор сделал попытку – хотя и не вполне удачную – сравнить польскую и немецкую политику в области межнациональных отношений в 1939-1945 годы. Это была попытка, продемонстрировавшая освобождение от традиционных схем мышления, устанавливавших, что историк может сравнить, а чего ему нельзя сравнивать⁴. Работы, посвященные интересующей нас проблематике, появились также в некоторых регионах Польши, особенно на территории Верхней Силезии. Первым итогом новых исследований была работа Бернадетты Нитшке под названием «Выселение немецкого населения из Польши в 1945-1949 годы» (B. Nitschke, *Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945-1949*, Zielona Góra 1999). Аналогичную роль в области исследований системы репрессий играет работа

³ Такой польско-немецкий характер носила подготовка избранных польских документов, касающихся принудительного переселения немцев: *Niemcy w Polsce 1945-1950. Wybór dokumentów*, W. Borodziej, H. Lemberg (ред.): t. I, W. Borodziej, C. Kraft (wybór i opr.), *Władze i instytucje centralne. Województwo olsztyńskie*, Warszawa 2000; t. II. I. Eser, J. Kochanowski (wybór i opr.), *Polska Centralna. Województwo śląskie*, Warszawa 2000; t. III. S. Jankowiak, K. Steffen (wybór i opr.), *Województwo poznańskie i szczecińskie*, Warszawa 2001; t. IV, I. Esser, W. Stankowski, C. Kraft, S. Jankowiak (wybór i opr.), *Pomorze Gdańskie i Dolny Śląsk*, Warszawa 2001. Это издание вышло также на немецком языке в серии *Die Deutschen östlich von Oder und Neisse 1945-1950. Dokumente aus polnischen Archiven*, tom I, *Zentrale Behörden, Wojewodschaft Allenstein*, Marburg 2000.

⁴ Из более ранних работ следовало бы упомянуть книгу, изданную под редакцией А. Саксона, *Pomorze – trudna ojczyzna. Kształtowanie się nowej tożsamości 1945-1956*, Poznań 1996, а также: P. Madajczyk, *Przyłączenie Śląska Opolskiego do Polski 1945-1948*, Warszawa 1996, и P. Ther, *Deutsche und polnische Vertriebene. Gesellschaft und Vertriebenenpolitik in der SBZ/DDR und in Polen 1945-1956*, Göttingen 1998.

Эдмунда Новака, в которой автор анализирует место лагерей в Опольской Силезии в системе послевоенных лагерей Польши⁵.

Вышеупомянутые работы со всех точек зрения отличаются от тех, которые создавались в Польше в 60-е и 70-е годы и которые были сосредоточены на технической стороне процесса принудительных переселений. Они также отличались от сильно политизированных работ, изданных ранее в ФРГ. В 90-е годы историки пришли к выводу, что полная характеристика переселений будет возможна только тогда, когда явится частью более широкого анализа, учитывающего их социальные и политические обусловленности. Согласно этому, в создаваемых работах анализировалась также роль системы репрессий в послевоенной Польше, положение ожидающих переселения жителей, условия их быта, отношение к ним властей и других групп населения. Таким образом, новые монографии приблизились к перспективе, иногда определяемой как этническая чистка. Следует, однако, помнить, что этот термин не употребляется здесь в пропагандистском значении, которое он приобрел во время югославского конфликта. Речь шла о восприятии принудительных переселений как элемента отношений между разными национальными группами, принципов, определяющих, кто свой, а кто чужой, об общественном одобрении или неприятии определенных репрессий, наконец, об учете политической системы и ее соответствия или несоответствия общественным настроениям. Следует добавить, что аналогичная перемена произошла тогда в исследованиях, посвященных принудительному переселению немцев из Чехословакии. По мере прогресса этих исследований теряло значение деление на польских и немецких историков, когда-то традиционно определявшее позиции.

Что не менее важно, вышеупомянутая дискуссия вызвала оживленную полемику в польской прессе, которая велась, прежде всего, на страницах таких газет, как «Жечпосполита»,

⁵ E. Nowak, *Obozy na Śląsku Opolskim w systemie powojennych obozów w Polsce (1945-1950). Historia i implikacje*, Opole 2002.

«Тыгодник Повшехны» и «Газета Выборча»⁶. Это было особенно важно, так как, благодаря появлению в высокотиражной ежедневной прессе и престижном еженедельнике, тематика, которую десятилетиями вытесняли из публичного оборота и школьных учебников, начала существовать, хотя бы в некоторой степени, в общественном сознании.

Совершившаяся в польско-немецком дискурсе о принудительных переселениях трансформация была очень важной, однако она не объясняет нам достаточно ситуации в момент, когда началась полемика вокруг Центра изгнанных. Ибо эта полемика связана с двумя другими, гораздо большими переменами в коллективной исторической памяти: первая произошла и по-прежнему происходит в Польше, вторая – в Германии. Определяю эти перемены как гораздо большие потому, что они касаются не одного, хотя и важного, но избранного фрагмента истории, а относятся к способу восприятия своей истории вообще. Именно они оказались в публичных дебатах важнее успехов польских и немецких историков, достигнутых в исследованиях принудительных переселений.

Как я уже упомянул, первая трансформация совершалась в Польше. Ее можно определить как процесс дэтнизации памяти о народе, которая проходила этнизацию (сужение границ принадлежности к польскому народу и истории) во время второй мировой войны. Этнизация обозначает, что в результате эскалации национальных конфликтов во время войны (большую роль в этом играла политика немецких и советских оккупационных властей) меньшинства – прежде всего немецкое и украинское, но также литовское, белорусское и еврейское – воспринимались большей частью поляков как нелояльные по отношению к Польше и полякам. Когда реальный опыт сливался с историческими травмами и необоснованным приписыванием некоторых взглядов всем лицам данной национальности, меньшинства сами себя исключили

⁶ Подборка текстов, опубликованных в прессе, вышла отдельным изданием: K. Bachmann, J. Kranz (red.), *Przeprósić za wypędzenie. Wypowiedzi oficjalne oraz debata prasowa o wysiedleniu Niemców po II wojnie światowej*, Kraków 1997.

из польской государственной и национальной общности. Противоположный процесс, т. е. деэтнизация, происходил и все еще происходит очень медленно, его начало можно датировать, вероятно, концом шестидесятых годов, а ускорение наблюдается с девяностых годов. Не надо добавлять, что такой процесс не происходил линейно, он имел моменты провалов и поворотов назад, а также вызывал и до сих пор вызывает сильное сопротивление как со стороны политических элит, так и не одобряющей его части общества. Это сопротивление может и сегодня увидеть каждый, кто тщательно наблюдает за событиями и нередко эмоциональными дискуссиями, ведущимися в Польше.

Изменения в польской коллективной памяти в сторону превращения ее в более открытую не произошли бы, если бы новейшая история не перестала быть табу и если бы она не подверглась критическому анализу как в дискуссиях историков, так и публичных дебатах. Эти дебаты начались во время войны и продолжались в первые послевоенные годы, когда в прессе подвергалось осуждению поведение части поляков во время войны, например, тех, кто принуждал евреев платить выкуп под угрозой выдачи их гитлеровцам. Дискуссия была прервана во время ускоренной сталинизации, когда делались попытки унифицировать историческую память. Она возобновилась особенно интенсивно в 80-е годы, усилилась после эссе Блоньского в 1987 г.⁷, от вопросов польско-еврейских, польско-немецких, польско-литовских, польско-белорусских и польско-украинских вплоть до дела в Едвабнэ. Она имела свои взлеты – тогда задавались важные вопросы и велся поиск новых ответов, а также падения – когда рациональные аргументы вытеснялись демагогическими атаками, необоснованным морализаторством, отождествляющим поиск причин с отрицанием ответственности. Дискуссии об отношении поляков к немцам после 1945 г., к украинцам и евреям поставили под вопрос восприятие польского народа лишь как народа-

⁷ J. Błoński, *Biedni Polacy patrzą na getto* // „Tygodnik Powszechny”, 11.01.1987.

жертвы. Но это не самое важное, особенно если учесть, что жертв в нашей истории и так было достаточно. Более существенно было обнаружение того, что на историю можно смотреть из разной перспективы и то, что для нас является достижением, для других может быть поражением и страданием, а собственное мучение не исключает возможности приносить страдание другим. Кроме того, деление на однозначно «хороших» и однозначно «плохих» имеет мало общего с историей.

Растущий с 90-х годов интерес к региональной истории, из которой труднее было исключить представителей других национальностей, способствовал изменению ее восприятия. Результатом этого было расширение польской коллективной памяти и включение в нее тех, кто раньше не признавался частью «нашей» истории. Самым известным этапом этого процесса в последнее время была дискуссия о событиях в Едвабне и шире – в Белостокском воеводстве, то есть в регионах, где жители польской национальности активно помогали летом 1941 г. в уничтожении еврейского населения.

Другой процесс происходил в объединенной Германии, где коллективная память тоже подвергалась существенным изменениям. Следует здесь упомянуть несколько крупных исторических дискуссий, которые проходили за последние годы: 1) о книге Даниэля Гольдхагена «Старательные палачи Гитлера», автор которой усматривал источник Холокоста в характерном исключительно, по его мнению, для Германии специфическом элиминирующем антисемитизме (*eliminatio-rischer Antisemitismus*); 2) вокруг выставки *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941-1944*, организованной в 50-ю годовщину войны, которая вновь оживила дискуссии вокруг «свободного от вины вермахта»; 3) по поводу сооружения в Берлине памятника жертвам Холокоста – *Mahnmal für die ermordeten Juden Europas*; 4) необычайно эмоциональный спор с известным писателем Мартином Вальсером о форме памяти о военных преступлениях Третьего рейха и об угрозе ее ритуализации; 5) вокруг компенсаций жертвам принудитель-

ного труда в Третьем рейхе; б) наконец, вокруг Центра изгнанных. Последняя дискуссия была также связана с критической полемикой о массированных союзнических бомбардировках в конце войны, которые большая часть немецкого общества оценила как ненужные и даже преступные, так как они метили в невинное гражданское население.

Несомненно, эти дискуссии показывали, что после объединения изменения, происходящие в немецкой коллективной памяти, ускорились и что продолжается очень важный процесс ее нового формирования. Они, однако, не указывали на то, что в ФРГ теряла значение память о нацистских преступлениях и их последствиях для немецкого общества. Иногда даже наоборот, младшее поколение становилось более критичным по отношению к истории своей страны, чем старшее. Две дискуссии, упомянутые в последнем пункте, – о принудительном переселении (изгнании) и союзнических бомбардировках немецких городов – велись в измененном контексте, который складывался в результате ощущаемого в глобальном масштабе (и имевшего существенное влияние также в Польше) роста интереса к жертвам истории. Сопутствовали этому переоценки в восприятии «жертв» и «виновников», как вытекающие из спонтанных дискуссий, так и отмеченные некоторым (обычно трудным для однозначной оценки) политическим влиянием. Это был и есть сложный процесс, соединяющий переоценки, осуществляемые историками и общественным мнением, субъективные эмоции «жертв», убежденных в недооценке их страданий, а также влияние политически или идейно мотивированных групп нажима.

Что очень существенно, растущий интерес к судьбе жертв снял с тех, кто интересуется историей принудительных переселений немцев, вызывавшее отвращение пятно крайне правых взглядов, клеймо «вечно вчерашних» (*Ewiggestrige*) и тем самым открыл доступ к этой проблематике людям, не связанным с правыми силами и зачастую происходящим из движения защиты прав человека. Очень важным этапом была

война и интервенция НАТО в Косово, во время которой в журналах, связанных с землячествами, преследования албанцев описывались – не приобретя еще широкой общественной поддержки – как события, аналогичные принудительным переселениям немцев после второй мировой войны⁸. Можно сказать, что реакция мировой общественности на происшествия в Косово стала для землячеств дверью, через которую им удалось вырваться из изолированного от всего общества гетто специфической памяти о второй мировой войне.

Вначале к проекту сооружения в Берлине Центра изгнанных немецкие власти относились сдержанно, а летом 2000 г. правящая коалиция СДПГ/Зеленые отвергла возможность финансирования такого проекта из центрального бюджета. Воздержались также от предложения оказать давление на страны-кандидаты в ЕС, чтобы те перед вступлением в Евросоюз аннулировали правовые акты, служившие основанием для выселения и лишения имущества людей немецкой национальности. С осени того же года наблюдается, однако, изменение этой позиции. Уполномоченный правительства ФРГ по делам культуры и СМИ начал склоняться к одобрению проекта при условии его – точно не определенной – европеизации. 6 сентября 2001 г. был создан фонд немецких изгнанных с целью строительства в Берлине Центра как информационной, документальной и архивной базы, а также места встреч. Фонд возглавила президент Союза изгнанных Эрика Штайнбах, которой удалось заинтересовать проектом – это было существенно – видного политика СДПГ Питера Глотца. Симпатизировал идее также министр внутренних дел Отто Шили⁹.

Осенью 2001 г. произошло событие, которое было замечено с большим интересом также в Польше. Из печати вышла новая

⁸ Ср.: *Vertreibung – ein erfolgreiches Modell?* // „Deutscher Ostdienst“, 9.04.1999. В этом контексте вспоминались преступления, совершенные в Югославии по отношению к немецкому населению („Deutscher Ostdienst“, 1.04.1999).

⁹ Подробнее см.: P. Madajczyk, *Polsko-niemieckie dyskusje o historii* // „Rocznik Polsko-Niemiecki” (10) 2001-2002, s. 35-70.

книга Гюнтера Грасса под названием *Im Krebsgang*. Ее действие было связано с затоплением советской подводной лодкой немецкого корабля «Вильгельм Густлофф» с девятью тысячами немецких беженцев на борту, большинство из которых были дети. Грасс был одним из тех интеллектуалов, которые никогда не забывали о немецкой части истории Центрально-Восточной Европы. Для него это была, прежде всего, часть красочной, поликультурной и полиэтничной картины. Он не забыл также о трудных польско-немецких особенностях памяти о непростых исторических отношениях. Грасс принадлежал, однако, к тем людям, которые активно вытесняли на второй план немецкой общественной жизни всякие формы памяти о немецких жертвах второй мировой войны, считая, что они мешают памяти о немецких преступлениях того периода. На практике, когда с конца 60-х гг. в ФРГ начались критические дискуссии о немецком прошлом, это обозначало табуизацию проблемы немецких жертв. Упомянутая проблема, разумеется, продолжала существовать, но слишком редко появлялась в критических дискуссиях и слишком часто в атмосфере подозрений в крайне правых убеждениях. Теперь Грасс поднял тему, правда, не принудительных переселений или этнических чисток, но собственно немецких жертв второй мировой войны, их страданий и последствий этого в послевоенные годы. Появление книги – многими критикуемой еще и потому, что Грасс снял табу с проблемы, которую когда-то сам сделал запретной, – было важным событием. Об этом свидетельствует интерес, с которым она встретила: 250 тысяч экземпляров было продано в течение недели, 500 тысяч в течение месяца. Ведь важно не столько содержание книги, сколько то, что читатели в ней увидят¹⁰.

Успех книги был для немецких политиков отчетливым показателем того, что тема точно совпала с чувствами большей части немецкого общества и что тот, кто ею занимается,

¹⁰ В польском дайджесте „Forum” (25.02-3.03.2002) были перепечатаны критические статьи из немецкой прессы, в частности, о наличии догматических оценок этого события некоторыми советскими участниками.

перестал быть подозреваем в связях с радикальными правыми силами. В это настроение легко вошла традиционная борьба партии ХДС/ХСС за голоса организаций, объединяющих часть изгнанных (землячеств), в избирательной кампании в бундестаг в 2002 г. Поэтому элементом предвыборной кампании было экспонирование немецкого ущерба в первые послевоенные годы и апелляция в СМИ об аннулировании вышеупомянутых правовых актов, лежащих в основе принудительных переселений немцев из Польши, Чехословакии и Югославии (Словения). Готовность поддержать строительство Центра изгнанных вытекала не только из убеждений многих демохристианских политиков, но и являлась частью цены, которую они готовы были заплатить за поддержку на выборах (которые партия христианских демократов все же проиграла).

Сооружение Центра изгнанных в Берлине не было признано официальной целью властей ФРГ. 4 июля 2002 г. в бундестаге прошло голосование, в котором большинство парламентариев поддержало идею построить центр и инициировать международный диалог на эту тему. Осталась, однако, нерешенной проблема формы центра, места его сооружения и того, кем проект должен быть осуществлен. В мае, так, как и в предыдущих дебатах, парламентарии пришли к выводу, что время принять окончательное решение еще не наступило. Эта позиция была противоположной стараниям землячеств ускорить построение центра и закончить работы над ним в течение ближайших пяти лет.

Перенос дискуссии в Польшу весной 2002 г. был вызван предложением (хотя оно появилось немного раньше) депутата СДПГ Маркуса Мекеля построить Центр изгнанных не в Берлине, а во Вроцлаве. На примере этого города можно представить типичную историю принудительных переселений. Отсюда выселили немецких жителей, а новые приехали из других земель послевоенного польского государства или же должны были покинуть восточную часть Польши, аннексированную СССР, сегодня являющуюся частью Украины, в меньшей степени Литвы. Кроме того, благодаря своему

положению, Вроцлав мог бы включить в эту идею также Чехию, придавая ей, по замыслу Мекеля, европейский, более широкий, чем национальный или билатеральный, характер. Это предложение, перепечатанное также в «Жечпосполитой» (7.03.2002), никоим образом не имело официального характера, оно спонтанно было выдвинуто в дискуссии. В Польше идею поддержали, прежде всего, круги, которые широко можно охарактеризовать как либеральные.

Дискуссия с самого начала велась на нескольких уровнях. Первый уровень имел прагматичный характер, речь шла – путем формулировки альтернативного решения – о блокировании идеи создания Центра изгнанных в Берлине и оказании влияния на немецких политиков, чтобы те отказались от поддержки концепции. Второй уровень касался локализации Центра, выгод и неудобств, связанных с Берлином, Вроцлавом и другими городами, которые могли позже всплыть в дискуссии. Третий уровень имел наиболее общий характер и был связан с вопросом, следует ли особым образом помнить о переселениях и какой должна быть эта память: должна ли она быть европейской, а не национальной, то есть соединяющей Европу общим опытом, а не разделяющей ее. Последний уровень, на который дискуссия перешла на завершающем этапе, был неконструктивным, полным эмоций, исторически обусловленных опасений и негативных стереотипов.

Чешский опыт

Дискуссии препятствовал горький опыт немецко-чешских диалогов о принудительных переселениях. После 1989 г. демократические чехословацкие, а потом чешские власти сделали несколько жестов в сторону немцев: о необходимости извиниться за выселения говорил в 1989 г. президент Вацлав Гавел, а потом и министр иностранных дел Иржи Динстбир. В 1990 г. Гавел, принимая президента ФРГ Рихарда фон Вайцзекера, осудил принцип коллективной ответственности. Потом, по причине нескольких факторов, ситуация лишь ухудшалась. Влиятельное судетское землячество решало про-

блему выяснения причастия судетских немцев к нацистской идеологии, говорилось о его связи с Баварией и правящей там партией ХСС, о требованиях принять участие в чешско-немецких переговорах о возврате имущества, выплатах компенсаций и праве на возвращение. Эти требования для Чехии были неприемлемыми, и в 1995 г. Гавел их отверг, поддерживая одновременно критический взгляд на само переселение немцев. С немецкой стороны все время появлялось требование (его формулировал также министр иностранных дел Клаус Кинкель) осудить так называемые декреты Бенеша. Ясно, что этой дискуссией пользовались инструментально также во внутренней политике обоих государств.

В 1997 г. казалось, что виден выход из тупика. Этим выходом было чешско-немецкое заявление, которое должно было подвести жирную черту под расчетами с историей. Немецкая сторона призналась в ответственности за зло, причиненное Чехословакии во время второй мировой войны, и в том, что оно вызвало дальнейшие выселения. Чехи признали, что во время выселений было причинено много зла невинным людям, в том числе из-за применения принципа коллективной ответственности. Осудили также «эксцессы», происходившие во время выселений, и то, что виновные не были наказаны. Важнейшим среди сказанного было: каждая из сторон несет ответственность в соответствии со своим правопорядком и уважает правовую позицию другой стороны. Несмотря на то, что в Германии правила тогда коалиция СДПГ и Зеленых, противоречия во взглядах демохристианских политиков и землячеств могли привести к дальнейшему ухудшению отношений. Под демохристианским нажимом в Европейском парламенте была принята резолюция, призывающая чехов аннулировать правовые положения 1945-1946 гг., являвшиеся основанием для выселений.

Дальнейшую эскалацию принесла резолюция австрийского парламента, требующая, чтобы желающая вступить в ЕС Чехия отменила «декреты Бенеша». В Австрии, где в то время приобретал все большую популярность Йорг Хайдер, явствен-

но слышались голоса, требующие блокировать вступление Чехии в ЕС, если та декреты не аннулирует. Это требование, хотя и не рассматривавшееся как условие, было записано в союзническом договоре правительства Вольфганга Шюсселя. В ФРГ аналогичное требование, выдвинутое ХДС/ХСС, было в 2000 г. отклонено. В эскалации участвовали тогда все страны: чешский премьер-министр Земан назвал судетских немцев пятой колонной («предатели, которые должны радоваться тому, что избежали смертного приговора»), а вскоре сравнил Ясира Арафата с Адольфом Гитлером и в качестве решения палестинского конфликта предложил выселить палестинцев с Западного берега. К дискуссии присоединилось венгерское правительство (венгров после 1945 г. выселили из Словакии), тоже требуя отмены «декретов Бенеша». За их аннулирование выступали в ФРГ не только землячества, но и представитель ХДС/ХСС Петер Хинц, а также председатель парламентского клуба Фридрих Мерц. В ответ, скорее провокационно, чем всерьез, премьер-министр Вацлав Клаус предложил записать «декреты Бенеша» в правовых актах, связанных с вступлением Чехии в Евросоюз.

Опыт чешско-немецкой дискуссии об истории был в целом обескураживающим, хотя в Польше воспринимался только немногими. Историческая дискуссия и морально-исторические высказывания Гавела приобрели политическую окраску, были связаны с требованиями правовых изменений и материальных компенсаций, а также использовались во внутренней политике. Оказалось, что заявления чешских (чехословацких) политиков не были концом сведения счетов с историей, а использовались только для предъявления новых требований. Не удивительно, что этот опыт вспоминался польскими диспутантами в связи с Центром изгнанных. Тогда ставился вопрос, не является ли это попыткой немцев оспорить связь переселений с войной¹¹. Чешско-немецкий спор

¹¹ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć wypędzonych. Grass, Beneš i środkowoeuropejskie rozrachunki. Antologia tekstów polskich, niemieckich i czeskich*, Warszawa 2003, s. 265 (P. Semka), 293 (M. Czapliński).

воспринимался еще в одном контексте (появившемся уже с 90-х годов), придающем немецкой политике негативную коннотацию. Наиболее остро критиковали чехов, которые были самой доступной мишенью, по отношению к Польше немцы вели себя осторожнее, и ни один немецкий политик не решился требовать, чтобы Россия попросила прощения за судьбу жителей Кенигсберга (сегодняшнего Калининграда).

Форма мемориализации

По мнению части диспутантов, дискуссия была неизбежной. Как писал Владзимеж Бородзей, «после распада Югославии мы уже знаем, что дискуссия о механизме, позволяющем проводить этнические чистки, будет вестись еще долго, а протест против принудительного переселения людей является и долго будет являться каноном основных европейских ценностей. Иначе говоря, этой темы нам не избежать»¹². В принципе речь шла о проблеме, которую ясно определил Адам Кшеминьски из журнала «Политика», оценивая книгу Грасса: «Как более чем через полвека после войны сохранить память уходящего поколения и передать ее поколениям последующим? Этот спор ведется с середины 90-х годов в связи со строительством музея Холокоста в Берлине. Как сохранить память о совершенном немцами геноциде и разве лишь о том, который они совершили по отношению к европейским евреям? Союз изгнанных форсирует проект создания мавзолея изгнания, политики колеблются» (*Rakiet na skos*, „Polityka“, 23.02.2002). Сразу же появилось сомнение, почему увековечение памяти должно включать только евреев и изгнанных. Почему не русских, белорусов, поляков и т. д.?

Проблема «как помнить» касалась также вопроса о целесообразности создания различных организаций, занимающихся самыми существенными историческими событиями, в интересующем нас случае принудительными переселениями.

¹² P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 258 (W. Borodziej).

Адам Михник и Адам Кшеминьски считали, что такие организации стоит создавать. По их мнению, во Вроцлаве это был бы не «музей немецких обид, превращающий виновников в жертвы, не музей польской мартирологии и переселений, а музей катастрофы и знамение обновления нашей общей Европы». Они считали, что следует принять эту инициативу, даже в неблагоприятное время завершающего этапа переговоров о расширении ЕС¹³. В ответе на письмо Эрики Штайнбах такая оценка описывалась как «общее, европейское упорядочивание прошлого, чтобы вместе упорядочить будущее». Это упорядочивание было противоположным убеждению, что каждый европейский народ отдельно рассматривает свои обиды и страдания. Кроме того, опять прозвучало замечание, что идея Центра в Берлине вредит интеграции Европы и содействует враждебным ей националистическим движениям. Кажется, что, несмотря на тактичное намерение заблокировать построение в Берлине Центра, доминирующим был мотив стремления к европеизации национальных историй и освобождения от национальных точек зрения, особым проявлением которых было бы экспонирование в качестве исключительной судьбы немецких переселенцев¹⁴.

Многие авторы сомневались в целесообразности создания специальной организации, занимающейся проблемой этнических чисток, считая, что эту роль могут исполнять уже существующие научные учреждения и создаваемые группы экспертов. Поэтому лучше было бы больше финансировать существующие научные центры и увеличить средства, предназначенные на исследования, чем учреждать новые институты. Упоминалось неосуществление многих положений

¹³ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 279 (A. Michnik, A. Krzemiński). Можно, конечно, спросить, насколько искренна такая аргументация. Может быть, следовало бы их понимать наоборот: на завершающем этапе переговоров о расширении ЕС нет ничего худшего, чем решение построить Центр изгнанных в Берлине.

¹⁴ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 299-300 (R. Woźniakowska-Thun), 303-309 (A. Krzemiński, A. Michnik). Славомир Сераковски в „Gazeta Wyborcza” от 11.06 и „Rzeczpospolita” от 22.07.2003 высказывался как сторонник общей, наднациональной памяти.

ний польско-германского договора 1991 г. и отсутствие в Польше финансовых средств для внедрения в школах новых учебных пособий, включающих, в частности, информацию о принудительных переселениях. Польско-немецкому примирению лучше способствовало бы сооружение в Берлине польско-немецкого музея, так как Польша в берлинском пейзаже незаметна¹⁵. Зачастую слышны были голоса, ставящие под сомнение возможность найти подходящую для такого института формулу. Международный Центр изгнанных был бы также полон политической окраски и негибок. Избегая концепции землячества, он был бы вынужден дифференцировать судьбы жертв, превращаясь в место историко-политических недоразумений и «соревнований» в страданиях. В проекте принимали бы участие также те общества и элиты, которые еще не готовы к такому сотрудничеству. Невозможной была бы спокойная, содержательная дискуссия.

Проблема поиска подходящей формулы для подобного института часто всплывала в дальнейшем ходе дискуссии. Вспоминалась работа по созданию музея европейской памяти, которая началась по инициативе Европейской комиссии. Немецкий историк Гётц Али предложил в *Süddeutsche Zeitung* сосредоточиться на показе широкого процесса этнических чисток, крайним проявлением которых, по его мнению, был Холокост. Другой немецкий историк, Филипп Тер, обдумывал передвижную международную выставку, экспонируемую в качестве предупреждения в регионах, находящихся под угрозой кризиса. Интерпретацией, которая появилась тогда в Польше и вызвала широкий резонанс, была идея включить этнические чистки в опыт тоталитаризма. Павел Махцевич, заведующий отделом образования польского Института национальной памяти, сформулировал требование учредить европейский образовательный центр по преступлениям тоталитарных систем и истории сопротивления им, так как это был важнейший опыт Европы XX века. Переселения были

¹⁵ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 277 (P. Buras), 301-303 (A. Wolff-Powęska).

только частью широкой картины репрессий и страданий, выходящей из рамок второй мировой войны¹⁶. Это требование, вероятно, лучше всего соответствовало польскому опыту XX века, в том числе опыту послевоенного периода, то есть столкновению с двумя большими тоталитарными системами. Согласно ему, осенью 2003 г. Гражданская платформа выдвинула проект создания в Варшаве под патронажем Совета Европы Центра памяти народов, который увековечил бы все жертвы преступных режимов XX века. Никто не выдвинул идею сооружения центра, документирующего судьбу поляков из пограничных областей. Позже появилось предложение, особенно сильно звучавшее в переговорах президентов Александра Квасьневского и Йоханнеса Рау, создания соответствующего учреждения в Сараево, которое воспринималось как попытка вытолкнуть Центр на окраину Европы.

В отличие от Германии, в Польше призыв Маркуса Мекеля, прозвучавший в июле 2003 г., выработать совместно идею Центра изгнанных, который был подписан представителями Чехии, Германии и Польши, не получил широкого резонанса. Лишь со временем начала набирать силу констатация, что Центр, несмотря на место его сооружения и форму, не должен являться инициативой правительств.

Возможна ли европейская память?

Разногласия вызвало как само предложение соорудить центр во Вроцлаве, так и то, что оно было выдвинуто без согласования с польской стороной¹⁷. Сформулированная во время дискуссии идея воспринималась многими как правительственно-дипломатическая инициатива, требующая соответствующих предварительных опросов и согласований. Вроцлав казался сильным научным центром, дающим возможность представить польскую точку зрения в важных дискуссиях на

¹⁶ Ср.: P. Machcewicz, *Niespójna świadomość // „Rzeczpospolita”, 28.08.2003; Pamięć nie tylko wypędzonych // „Rzeczpospolita”, 1.08.2003.*

¹⁷ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 253.

тому принудительных переселений. По мнению других, идея отвечала открытому и полному толерантности характеру города¹⁸. Делался расчет на то, что общность судеб людей разной национальности, которые вынуждены были покинуть родные земли, облегчит польско-немецкий диалог. Индивидуальное страдание может лечь в основу совместной памяти и рефлексии¹⁹.

Мнения о том, является ли польское общество достаточно открытым, чтобы одобрить такой институт и относиться к нему как к фрагменту сведения счетов с историей, были разными. Не преждевременна такая инициатива? Заметим при этом, что несходство мнений по этому вопросу и во всей дискуссии не совпадало с понятием «польско-немецкого», а мнения по поводу Центра разделялись по более сложным критериям. Герхард Гнауц, немецкий корреспондент, хорошо знающий Польшу и публикующийся в нашей стране, замечал, что «раны прошлого в Польше свежее немецких», но усматривал в идее построить Центр во Вроцлаве возможность ускорить перемены²⁰. Вышеупомянутое активное предложение Кшеминьского и Михника выдвигалось также в журнале «Диалог», читателями которого являются люди, заинтересованные польско-немецкой проблематикой. В этом журнале печатались статьи об этнических чистках и том, как предотвратить их инструментализацию во внутренней политике. Что более важно, журнал соглашался с тем, что инициатива опережает состояние «общего европейского сознания» и пока должна его продвигать и творить в связи с сетью региональных, локальных и национальных инициатив²¹.

¹⁸ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 260-262 (P. Madajczyk), 291 (W. Borodziej); A. Chmielewski, *Kto jest wrocławianinem* // „Gazeta Wyborcza”, 21.05.2002.

¹⁹ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 373-374 (G. Gnauck).

²⁰ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 312-314 (G. Gnauck). Особенно Марек Чаплиньски считал, что Центр (*ibidem*, s. 292-294) отвечает уровню элит, а средний житель Нижней Силезии все еще боится Германии, немецкой колонизации и возвращений. К. Бахманн (s. 318) распространял эту мысль на отношение немецкого общества к Польше, считая, что каждый международный центр будет делом элит, не имеющим поддержки в обществе.

²¹ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 328-332 (A. Schwall-Düren, K. Lingen).

Дискуссии вокруг локализации Центра изгнанных во Вроцлаве, Берлине и т. д. были связаны с ключевым вопросом о том, какой памяти он должен служить. Не оставалось сомнений ни у польской стороны, ни у немецкой, что сооружение Центра в Берлине будет означать концентрацию на немецкой истории и специфическое служение немецкому обществу, то есть придание этой проблеме в немецкой исторической памяти центральной роли. Центр во Вроцлаве или в другом городе был бы попыткой более наднационального, европейского взгляда. Одновременно, с точки зрения немецкой политической сцены, это была бы его маргинализация, устранение за пределы Германии, за рамки проведения школьных экскурсий и принятия международных делегаций²². Сопротивление немцев вытекало именно из того, что сторонники берлинского варианта воспринимали Вроцлав именно как попытку маргинализации института, отодвижения его на второй план немецкой общественной жизни.

Среди поляков доминировало убеждение, что центр в Берлине, в предлагаемой форме, концентрирующий на немецких жертвах, приведет к «моральной уравниловке», искажению исторической правды о том, кто был агрессором, а кто жертвой. Может также сложиться ложное представление о польском государстве, которое после военных разрушений и аннексии восточных земель Советским Союзом не имело иного выхода, чем расширение своей территории на запад. Искажится также атмосфера завершающего периода войны, когда было распространено убеждение о том, что этнические чистки являются единственной возможностью обеспечить прочный мир. Забудутся преследования поляков во время войны, главной отправной точкой будут выселения немцев после 1945 г., и в сопоставительной перспективе будет размыта вина Германии²³. Как фрагмент такого извращения воспринималась часто односторонняя реакция немцев на польскую

²² P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 272 (H. Hirsch), 276 (P. Buras).

²³ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 267 (P. Semka); 309-312 (J. Jasiński).

дискуссию о Едвабнэ, где летом 1941 г., после нападения Третьего рейха на СССР, поляки истребили большую часть еврейского населения. Участие немцев в этом убийстве остается дискуссионным и может ограничиваться подстрекательством. В Польше можно было встретиться с мнением, что в Германии дискуссия о Едвабнэ воспринималась как доказательство того, что поляки обманывали до сих пор мировую общественность, представляя себя в качестве жертв, в то время как на самом деле являлись соучастниками преступлений, совершенных немцами.

Возможность придать памяти такой европейский, с точки зрения институциональной и тематической, характер воспринималась как необходимость, однако вызывала сомнения. В польских высказываниях появлялись ссылки на польско-украинские проблемы памяти об истории и о том, как найти минимальный консенсус, учитывающий аргументы и эмоции обеих сторон. В 2002 г. в Польше проходила другая дискуссия, прочно связанная с проблематикой этнических чисток. Она касалась 60-й годовщины совершенного украинскими националистами на Волыни уничтожения польского населения. Эта дискуссия, если вообще можно их сравнивать, была труднее польско-немецкой. Ей не хватало и все еще не хватает многолетней традиции контактов и диалогов историков. Украинская акция была исключительно жестокой, она склоняет часть исследователей и публицистов в Польше определять ее не без оснований термином «геноцид». Различия в оценках того, что и почему произошло, были большими, чем в польско-немецких отношениях, а способ формулировки выводов сильнее отражал национальную принадлежность. Дополнительной трудностью на Украине является отсутствие независимых кругов, способных начать дискуссию отдельно от политики властей. Не существует памяти о преступлениях на Волыни ни на Западной Украине, ни на Восточной, где по отношению к тому периоду доминируют советские стереотипы польских помещиков. По мнению многих наблюдателей, не завершились успехом (или же, если смотреть с другой сторо-

ны, завершились очень ограниченным успехом) совместные дни памяти в украинском селе Павлівка. В целом не подлежало сомнению, что не может пока даже речи быть о польско-украинском единстве памяти, а оба общества находятся всего лишь в начале длинного и трудного пути, ведущего пока не к сближению, а поначалу к готовности принять аргументы и чувства другой стороны.

Неудивительно, таким образом, что в Польше доминировало убеждение в том, что сложно говорить о единой памяти, если на бывших польских землях польская история и выселение поляков были преданы забвению и воспринимались как неудобный балласт или угроза. Еще труднее было бы вообразить себе возможность достижения согласия между немцами и чехами, греками и турками, сербами и албанцами (этот список можно продолжать до бесконечности). Напоминалось о необходимости включения в такой разговор Балкан²⁴.

Свой сильный скептицизм по поводу европейской памяти о принудительных переселениях выразил многолетний немецкий корреспондент в Польше Клаус Бахманн, и с этой точки зрения он не был исключением. По его мнению, такой синтез не является ни нужным, ни возможным и не соответствует европейской традиции, опирающейся, прежде всего, на экономическое сотрудничество. Отмечать годовщины, аргументировал он, не приглашают бывших преследователей, даже если сейчас они являются союзниками из Европейского Союза и НАТО. «Нам нужно уважение к противоположной перспективе, а не единая перспектива для всех»²⁵.

Оценка журналиста не была полностью верной, однако не была лишена оснований, в польско-немецких отношениях также. В дискуссиях о принудительных переселениях замечалась, несмотря на наступавшее с 90-х годов сближение, разница между доминирующими в обоих государствах направлениями. В Польше осуждались, прежде всего, ход и жестокость

²⁴ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 256, 290 (W. Borodziej), 272 (P. Semka), 277 (P. Buras).

²⁵ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 318 (K. Bachmann).

переселений, в Германии – право на их проведение и одобрение такого метода решения конфликтов. Когда в Германии все чаще хвалили «Хартию изгнанных», в которой переселенные отрекались от всякой мести, в Польше разговоры об изгнанных как наиболее пострадавших от эпохи воспринимались как искажение истории. Позже в дискуссии, которая велась по поводу Центра, наблюдалось следующее расхождение мнений: немецкая сторона значительно чаще причину послевоенных переселений усматривала в национализме XX века, польская – в опыте второй мировой войны и немецкой оккупации.

Эмоции

Эмоции, которые возникли в споре, тем более понятны, что в Польше динамика изменения коллективной памяти довольно долго была незаметна. Заметной сделал ее социологический опрос, проведенный летом 2003 г., в котором на вопрос, были ли немцы, подобно евреям, полякам и цыганам, жертвами второй мировой войны, положительно ответили 36% в Германии и 57% респондентов в Польше. Это не отразилось на поддержке идеи Центра, о котором знала только 1/3 опрошенных, потому что 58% отвергло ее (в ФРГ – 38%). Что интересно, большей поддержкой пользовалась идея Центра в Берлине (26%), чем Центра европейского (16%)²⁶.

Правда, позже к данному опросу были высказаны некоторые методологические претензии – признание жертвами не обозначало признания жертвами в одинаковой степени, но и так он стал для польских элит трудной проблемой. Согласно одной из интерпретаций, поляки воспринимают нацизм подобно коммунизму в Польше, то есть как систему, навязанную

²⁶ *Kto ofiarą, kto sprawcą* // „Rzeczpospolita”, 28.08.2003. Следует добавить, что равнозначное отношение к жертвам было самым сильным в крестьянской Польской народной партии (71%), сильным в правой Лиге польских семей (51%), слабее в довольно элитарном Союзе свободы (37%). Поэтому есть основание для утверждения, что это было связано с низким уровнем образования и общих знаний. Особенно потому, что поддерживалось меньшинством среди младшего поколения (18-24 года).

обществу. Близкой была мысль, что отсутствие поддержки идеи европейского Центра обозначает, что поляки забыли о принудительных переселениях, жертвами которых были сами. Сомнения вызывал уровень исторического и политического образования польского общества, которое, наверное, отчасти устояло перед пропагандой, проводившейся в ПНР, но не было в состоянии создать цельную, единую историческую память. Что интересно, политики, представляющие три разные политические партии – Союз левых демократов, Гражданскую платформу, а также Право и справедливость, несмотря на различия в комментариях вышеупомянутого опроса, выражали похожие опасения по поводу релятивизации истории в Германии и размещения в одной плоскости разных явлений, то есть, прежде всего, стирания различий между страданиями немцев и жертв нацистских преступлений.

С самого начала было видно, что дискуссия сойдет на несущественный уровень, однако это не значит, что нельзя было этого избежать. В еженедельнике «Тыгодник Солидарнось» рано выдвигались такие аргументы: инициаторы идеи (Михник и Кшеминьски) ищут похвалы за границей ценой польских интересов, они немецкие лоббисты, Кшеминьски оплачивается «много лет немецким министерством» и печатает «лживые и клеветнические статьи о Польше». В цитируемой статье, наряду с этой оскорбительной демагогией, были высказаны, однако, слова, которые будут часто появляться (иногда скрытым образом) в дискуссиях и диалогах: немцы стремятся создать историческую картину, в которой будет место лишь двум большим преступлениям: Холокосту и собственному изгнанию²⁷. В экстремальной форме комментарии формулировались на крайне правой стороне польской политической сцены (также связанной с католическим «Радио

²⁷ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 285 (T. Kuczyńska). Автор посчитал проект сооружения Центра во Вроцлаве маневром, направленным на то, чтобы два памятника не противоречили друг другу в Берлине. Ср. также: P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 295 (G. Lasota).

Мария»), когда говорили об оспаривании геополитического порядка и подготовке к передаче Германии западных земель²⁸.

Наиболее заметным проявлением изменения атмосферы дискуссии в 2003 г. было интервью с Марекком Эдельманом, признанным моральным авторитетом и героем восстания в варшавском гетто, который напомнил схемы памяти, типичные для людей, имеющих жестокий опыт второй мировой войны. По его мнению, отправной точкой для оценки переселений был Холокост, что придавало ей специфическую форму. Изгнание из дома не так уж страшно, это можно пережить. Переселенные немцы не так уж много потеряли, попав в зажиточную страну. В «немецком подсознании» все еще теплится убеждение об отсутствии *Lebensraum* (жизненного пространства), и все еще реальным является повторение национализма. Следующие поколения должны расплачиваться за вину своих предков, «пока из немецкого менталитета не исчезнет тоска по нации господ». И в конце ключевая оценка: «Холокост предусматривал смерть. Так что не будем преувеличивать: Холокост и изгнание – это две разные вещи. (...) Разве их уж так страшно обидели? Потеряли дома? Да, но евреи потеряли и дома, и всех своих родных». Эдельмана подтолкнули к такому высказыванию, наверное, собственные переживания и убеждение, что немцы пытаются сбросить с себя ответственность за Третий рейх. Немногие вступили с ним в полемику²⁹. Переполненные эмоциями и оскорбительными фразами высказывания в адрес немцев можно было найти в интернет-порталах (например, в проводимом «Газетой Выборчей»). Так же, как в предыдущих дискуссиях на эту тему, в письмах читателей появились воспоминания о собственных страданиях во время осуществляв-

²⁸ Ср.: P. Wierzbicki, *Z umiarem* // „Gazeta Polska”, 29.05.2002.

²⁹ *Nie litować się nad Niemcami* // „Tygodnik Powszechny”, 17.08.2003. Ср. полемическую статью: K. Kosiński, *Rozumiem wypędzonych* // „Gazeta Wyborcza”, 7.10.200, в которой автор упрекнул Эдельмана, что тот недооценивает механизмы тоталитарного государства, а поляков в незнании того, что происходило в Германии, и в том, что они уничтожили культурное наследие на западных землях.

шихся немцами выселений, а иногда формулировки, аналогичные тем, которые предложил Эдельман.

Все политические группировки в Польше соглашались с тем, что создание Центра в Берлине будет обозначать попытку провести ревизию истории и сбросить с себя ответственность за историю немецкую. Наиболее цельную концепцию представил Войцех Пенцяк, журналист еженедельника «Тыгодник Повшехны», автор книги «Немецкая память. Современные споры в Германии о месте Третьего рейха в истории, политике и идентичности (1989-2001)» (W. Pięciak, *Niemiecka pamięć. Współczesne spory w Niemczech o miejsce III Rzeszy w historii, polityce i tożsamości (1989-2001)*, Kraków 2002). В проводившейся в «Жечпосполитой» дискуссии автор пришел к выводу, что самым важным для немцев является не стремление экспонировать свои жертвы, а желание преуменьшить свою роль как палачей. Орудием в этом процессе служит применение в отношении к действиям союзников терминов, до сих пор употреблявшихся для описания гитлеровских преступлений (крематории, газовые камеры, эйнзацгруппы). Новые парадигмы коллективной памяти локализованы в антиисторической перспективе и в отношении лишь к правам человека³⁰.

Летом 2003 г. Адам Михник, Бронислав Геремек и Ян Новак-Езиораньски благодарили министра иностранных дел ФРГ Йошку Фишера, который отверг идею музея изгнанных, придя к выводу, что приемлем только европейский центр памяти об изгнании или немецкий о самоуничтожении³¹. Бывший польский министр иностранных дел Владыслав Бартошевски также заметил, что «в Германии возрождается мысль, обеляющая шовинистские действия, открывается старая глава с целью манипуляции сознанием людей», хотя эти изменения можно еще предотвратить. Для него Берлин был неприемлем, потому что символизировал худшие немецкие традиции³².

³⁰ W. Pięciak, *Naród ofiar* // „Rzeczpospolita”, 2.08.2003.

³¹ *Niemcy Niemcom zgotowali ten los* // „Gazeta Wyborcza”, 28.08.2003.

³² W. Bartoszewski, *Przeciw wybiórczej pamięci* // „Rzeczpospolita”, 15.07.2003.

Сопутствующую дискуссии напряженность демонстрирует также эмоциональное высказывание легендарного курьера Армии Крайовой и многолетнего директора Польского отделения радио «Свободная Европа» Яна Новака-Езиораньского. Он считает Центр инициативой той «группы немецкого общества, возглавляемой Эрикой Штайнбах, которая требует возвращения Германии утраченных ею земель вследствие поражения в войне, развязанной Гитлером»³³. Возможно, это высказывание, прозвучавшее из уст человека, который не отождествляет себя ни с какими радикальными политическими взглядами, наилучшим образом показывает настроение и одновременно растерянность части польских элит.

Отчетливо выразил свои опасения журналист правой «Газеты Польской»: следует все время напоминать, что жертвами были не немцы, а «поляки, евреи, русские, чехи, словаки, югославы, англичане, греки, норвежцы». Каждая совместная инициатива Центра будет лишь уравнивать то, что происходило во время войны с поляками, с судьбой немцев, судьбу Дрездена с судьбой Варшавы. Это будет «центр полулжи», создаваемый путем переговоров, нажимов, согласований, концессий и т. д. Пусть это уж лучше будет музей лжи, потому что поляки и так не могут помешать его сооружению: «Пусть ставят в Берлине даже памятник Герингу или мавзолей солдат вермахта, которые в августе 1944 г. пали «смертью храбрых», сражаясь в Варшаве с «бандитами», это будет только на их совести»³⁴. Похожую мысль мы находим в право-клерикальной газете «Наш Дзенник» от 24-26.12.2003 г., писавшей о такой концепции Центра, в которой исключительно польские страдания во время второй мировой войны отодвигаются на второй план: «Может быть, через несколько лет мы узнаем, что немцы, подобно евреям, стали жертвами нацистов. Надо будет также поискать соучастников. С этим, однако, не должно быть проблем, ведь под рукой поляки. Этот процесс уже начался».

³³ J. Nowak-Jeziorański, *Pomnik nieprawdy* // „Rzeczpospolita”, 16.09.2003.

³⁴ P. Wierzbicki, *Centrum Półkłamstwa* // „Gazeta Polska”, 1.10.2003

За данной оценкой скрывалось недоразумение, потому что основной проблемой дискуссии было не то, о чем мы помним, а то, о чем забываем. Чувствовалось, что память о собственных пострадавших не была бы так остра, если б не убеждение поляков, что польские жертвы забываются, что в Германии исторически важное 1 сентября 1939 г. отодвигается в небытие, и если б не задаваемый дружественно настроенными немцами вопрос – напоминаемый некоторыми журналистами – страдали ли и поляки во время второй мировой войны. Эта нота звучит во многих высказываниях и комментариях. В интервью для «Газеты Польской» (1.10.2003) Анджей Пшевозьник, Секретарь Национального совета охраны памяти борьбы и мученичества, говорил о том, что в Германии не помнят о Польше во время организации выставок в местах мариологии: в Дахау, в котором находилось свыше 1,5 тыс. польских священников и который стал в Польше символом преследования католической церкви и польских элит, где нет надписей на польском языке; в Равенсбрюке, где два года боролись за установку мемориальной доски, напоминающей о польских заключенных-женщинах, на которых проводились медицинские эксперименты. Автор подчеркивал, как долго не помнили о польских могилах в Германии.

Что происходит в Германии?

Представляется, что Польше трудно было смириться с фактом, что инициативу создать Центр в Берлине широко поддержали немецкие СМИ и люди, не связанные с землячествами и правыми силами. Поляки, однако, старались, чтобы была дискуссия, то есть чтобы были представлены также аргументы немецких сторонников Центра³⁵. Изменения наблюдались в Германии уже некоторое время, и это проявлялось в интересе людей, происходящих с левой стороны

³⁵ Ср. интервью с Петером Глотцем и председателем женского объединения Союза изгнанных: „Gazeta Wyborcza”, 15.09.2003. В польской печати выступала также Эрика Штайнбах, которая была приглашена к широкой дискуссии в «Жечпосполитой».

политической сцены, к судьбе немецких жертв завершающего этапа войны. Примером этого было заявление принадлежащей к Партии зеленых вице-спикера бундестага Антье Вольмер в середине 90-х годов об ошибке левых, которые не заметили страданий немецких переселенцев³⁶. Подобный путь, от поддержки «Солидарности» к поддержке Центра изгнанных в Берлине, прошла немецкая журналистка Хельга Хирш. О поддержке идеи заявляли, в частности, вышеупомянутый представитель Зеленых, ныне принадлежащий к СДПГ министр внутренних дел Отто Шили; социал-демократ Петер Глотц; историк Арнульф Баринг; связанная с немецким диссидентским движением в ГДР Фрея Клир и Йоахим Гаук; Ральф Джордано – немецкий еврей, спасшийся от Холокоста; выросший на движении протеста 1968 г. Даниэль Кон-Бендит. Это были люди, список которых можно еще долго продолжать и которых трудно упрекнуть во враждебном отношении к Польше или в радикально правых симпатиях.

Это изменение не обозначало, однако, переноса немецкой политической сцены направо, как широко писалось об этом в польской прессе правого толка: «пока национализм и антисемитизм ограничивался крайне правыми организациями и людьми Эрики Штайнбах, можно было спать спокойно. Мы рассчитывали, что политики из бундестага являются политической элитой Германии, избранной в демократическом голосовании демократическими немцами. И что они не посмеют перейти порог элементарного приличия. Оказывается, мы заблуждались»³⁷. Изменения, происходившие в Германии, воспринимались через призму инструментального использования проблематики этнических чисток в немецкой внутренней политике. Во время каждых выборов ХДС/ХСС добивалась поддержки землячеств, для которых Центр был большой и, возможно, последней возможностью быть замеченными широ-

³⁶ Ср. R. Blasius, *Keine Wanderer auf der Ostsee* // „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, 9.02.2002.

³⁷ K. Grzybowska, *Niemcy, zamilczcie nad tą trumną* // „Gazeta Polska“, 5.11.2003; она же, там же, *Ironia losu*, 3.09.2003.

ким общественным мнением. Эта перспектива, несомненно, вела к упрощению ситуации.

Не подлежит сомнению, что некоторые немцы заинтересованы в дискуссиях, снимающих вину с немецкого народа, но это – давайте еще раз уточним – меньшинство. Для других память о немецких жертвах была, прежде всего, нормализацией объединенной Германии, хотя бесспорно забывались при этом старательное взвешивание пропорций и историческая впечатлительность соседей. Хельга Хирш не была в состоянии убедить польских читателей в том, что разговор о Центре, прежде всего, отражает вопрос о месте происхождения, поиски корней, облегчение тяжести травматического опыта, а не переворачивание истории вверх дном. Осложнило разговор употребление ею непростого аргумента о том, что все матери одинаково чувствуют боль утраты своего ребенка. Это вызвало протест против рассмотрения субъективных чувств (вероятно, одинаковых) как основного критерия оценки³⁸. У польской стороны этот аргумент должен был вызвать контрвопрос, так ли уж важен данный критерий, когда один погибший ребенок боролся в движении сопротивления, а другой – возьмем крайний случай – был эсесовцем? И не страдала ли мать или жена солдата вермахта, погибшего во время нападения на Польшу в 1939 г.? Никто не сомневался в субъективном страдании, однако принятие его в качестве важнейшего элемента оценки исторических событий не нашло понимания.

Войцех Пенцяк считал, что люди левых взглядов, решив, как образцово они рассчитались с собственной историей и поддержали «добро» в Косово, по отношению к союзникам (в том числе Польше) применили похожую модель сведения счетов с историей, как когда-то по отношению к своим отцам и дедам³⁹.

³⁸ H. Hirsch, *Niemiecki ból* // „Rzeczpospolita”, 24.07.2003, и ответ на статью: Jerzy Haszczyński, *Pytania do Helgi Hirsch* // „Rzeczpospolita”, 30.07.2003. См. также: P. Wierzbicki, *Z umiarem* // „Gazeta Polska”, 29.05.2002, где автор подчеркивает, что немцы были как жертвами, так и соавторами и соинициаторами несчастий.

³⁹ W. Pięciak, *Naród ofiar* // „Rzeczpospolita”, 2.08.2003.

Согласно этой концепции, те, кто отказался осудить совершенные после второй мировой войны переселения, сделались ближе к преследователям-националистам, чем к их жертвам. Этот тон появлялся и в высказываниях других польских комментаторов, пишущих о немцах, «которые ведь всегда горой стоят за добро – за мир, за европейскую конституцию, против этнических чисток. Поляки тем временем не являются абстрактными лицами и не выглядят как невинные жертвы, редко вызывают симпатию, а кроме того, угоняют машины. И скорее всего именно в них – а еще в американцах – можно обнаружить зародыш того самого зла, которое в тридцатые годы приобрело форму национального социализма». Эта цитата тем более интересна, что в ней появляется намек на польско-немецкие разногласия по поводу интервенции в Ираке. Краснодембски, автор этой статьи, в то же время задавал вопрос о том, почему немецкая молодежь выступает против событий в Ираке и не высказывается против событий в Чечне⁴⁰.

Нелегко было взвесить правоту каждой стороны в ситуации, когда два общества все еще немного знают друг о друге. Вероятно, неосознанной реакцией на это была концентрация внимания на личности президента Союза изгнанных Эрики Штайнбах, которая лучше всего подходила под сложившийся во времена ПНР стереотип немецкого, землячественного «ревизионизма». При этом она сама этому помогла, представляя собой не способствующую примирению позицию изгнанных. Штайнбах определила польскую реакцию на ее предложения как «исступление» и отсутствие здравого смысла, а о себе говорила как об изгнанной, хотя являлась дочерью младшего командира немецких оккупационных сил в Польше. Упоминалось также, что она голосовала против договора, окончательно устанавливающего польско-немецкую границу.

⁴⁰ Z. Krasnodębski, *Więźniowie przeszłości* // „Rzeczpospolita”, 31.10.2003. «Нельзя удивляться, что «очищенные», обладая чувством морального превосходства над нами, хотят также нас очистить от нашего национализма, от нашей мании невинности, от нашей национальной чванливости, еврокептицизма, религиозного фундаментализма и проамериканского ослепления».

Немецкий корреспондент не без основания сказал: нового врага зовут Эрика Штайнбах⁴¹. Ее позиция иногда воспринималась в Польше серьезнее, чем позиция правительства и парламента ФРГ.

Прочитируем здесь обширные фрагменты статьи Петра Семки, так как в ней были собраны самые существенные замечания польских противников создания Центра: «На первый взгляд идеалистические и независимые принципы универсальной истории – вопреки своим претензиям на объективизм – создают новые, столь же относительные иерархии важности жертв. То, что большая часть польских элит принимает эту новую историческую логику, уже приносит Польше поражения. Сегодня в отношениях между народами наблюдается состязание разных видов исторической памяти и борьба за внесение в универсальный каталог жертв. (...) Применение двойной бухгалтерии при оценке событий в Едвабне и на Волыни может вызывать опасения, что польские жертвы на рынке истории признаются менее важными. (...) Чувство восприятия поляков как жертв, которые сами виноваты в своих несчастьях, растет по мере того, как немцы, депортированные с земель, включенных в состав Польши после второй мировой войны, предаются воспоминаниям о своих страданиях. (...) Практика показывает, однако, что даже новая, универсальная история разделяет жертвы на более и менее важные, только делает это на основании других критериев. Эмпатическая универсальная история де-факто является полем битвы за получение сочувствия, которое игнорирует причинно-следственную связь или использует принципы политической корректности»⁴².

Видно было также, что Центр изгнанных воспринимался немцами как конкретная инициатива, в то время как поляки считали его одним из звеньев цепи перемен, происходящих в

⁴¹ D. Zagrodzka, *Tygrysica Wypędzonych* // „Gazeta Wyborcza. Wysokie Obcasy”, 22.11.2003; Thomas Urban, *Podwójny monolog nie pomaga* // „Rzeczpospolita”, 16.09.2003; *Falszywa wypędzona* // www2.gazeta.pl, 14.02.2001.

⁴² P. Semka, *Pojednanie na skrót* // „Rzeczpospolita”, 26-27.07.2003.

сознании немцев. Представляется, что польская перспектива больше соответствовала действительности, что можно доказать на примере напечатанной в ноябре 2003 г. статьи одного из немецких журналистов, доброжелательно настроенного по отношению к Польше, Томаса Урбана («Жечпосполита» от 15.11.2003 г.). Среди приведенных им мнений, функционирующих в Германии, появились такие, которые ранее не входили в рамки политической корректности: абстрагирование от того, что часть выселенных имела отношение к нацизму, утверждение о том, что в Германии не воспринимались в качестве польских земли так называемого «коридора», отданные без референдума после первой мировой войны, разговоры о смешанном национальном характере восточных польских земель (не рассматриваемом ли в качестве оправдания агрессии 1939 г.?). В Польше появились и указания на более широкий контекст происходящих в Германии перемен, в которых упоминалось также дело локального представителя СДПГ Мартина Хохманна, выступившего во время празднования Дня немецкого единства 3 октября 2003 г. с речью антисемитского содержания. Часть комментаторов считала, что это выступление соответствовало более широкому настроению в Германии и забвению собственного участия в истории в качестве виновников.

Неудивительно, что в этой атмосфере наблюдалась все большая политизация дискуссии. Высказывания историков во внимание не принимались, важнее было мнение политиков и других общественных деятелей. Незадолго до 1 сентября 2003 г. парламентский клуб Права и справедливости внес проект постановления-призыва к странам Европы и Европейскому парламенту, в котором напоминал о необходимости уважения к исторической правде и сопротивления попыткам релятивизации ответственности за начало второй мировой войны. Правда, не все его формулировки получили широкое одобрение (особенно упрек в релятивизации ответственности), о своей поддержке призыва заявляли, кроме Лиги польских семей, также Павел Пискорски из Гражданской

платформы и в некоторой степени Юзеф Олексы из Союза левых демократов («Газета Выборча», 26.08.03). Об угрозе извращения Центром истории говорил пользующийся большим авторитетом люблинский митрополит, архиепископ Юзеф Жициньски. Критические в отношении немцев тексты опубликовали Лешек Колаковски, Стефан Братковски, Станислав Лем. Высказал свое мнение также премьер-министр Лешек Миллер, как подчеркивая необходимость понять точку зрения соседей в объединяющейся Европе, так и отказываясь (сочувствуя при этом жертвам) от осуждения выселения немцев: «Не после этой войны...». Миллер замечал в то же время, что проблема намного сложнее, он не дистанцировался от каждой такой инициативы, но призывал тщательно их продумать и лучше всего воплощать в жизнь под эгидой Совета Европы⁴³. После премьер-министра свое мнение высказал президент Квасьневски. Этот список можно продолжать.

В дискуссии приняли участие также те, мнение которых казалось уже давно отодвинутым в процессе польско-немецкого соглашения на второй план. Среди них был, например, Лонгин Пастусяк, по-прежнему значительный политик, выступление которого («Жечпосполита» от 28.08.2003 г.) возвращало модель и терминологию восприятия принудительных переселений, распространенного в ПНР, и игнорировало результаты нескольких лет дискуссии на эту тему.

Сдержанные и самокритичные голоса принадлежали в этой атмосфере к исключениям. Говорилось, например, что не только немцы пытаются пересмотреть историю – точно так же поступали поляки, стирая память о еврейских жертвах, следы немецкой культуры на западных землях, включая разрушение кладбищ. «Ибо с грехом надо бороться, не с грешниками»⁴⁴. Столь же немногочисленными были рассуждения, насколько трудности польско-немецкой дискуссии вытекали из «слабости» примирения, часто основанного на политической

⁴³ Premier dla „Gazety” o II wojnie i wypędzeniach // www2.gazeta.pl, 31.08.2003.

⁴⁴ J.A. Majcherek, *Przeciw fałszom myślowym* // „Rzeczpospolita”, 23.10.2003.

фразеологии и очень небольшом согласии в понимании истории. Согласии, которое рухнуло, когда ускорились изменения в немецкой коллективной памяти⁴⁵. Не было размышлений о том, что поляки и немцы по-разному воспринимают историю, народ и то, что считают национализмом. Вспоминалось также неловкое приспособление польской стороны к специфически воспринимаемой политической корректности польско-немецких договоров о партнерстве и сотрудничестве. Они принимали память немецких партнеров о страданиях во время послевоенных переселений, в то же время избегая разговоров о своей истории и своих страданиях, считая, что это повредило бы сотрудничеству. Появилось утверждение, что поляки сами не сумеют сохранить память о своей истории. «Сами не умеем заботиться о нашей памяти и поэтому с недоверием относимся к заботе немцев о памяти об их изгнанных в нашем Вроцлаве»⁴⁶. Не нашлось места углубленной рефлексии над последствиями передвижения Польши на земли, которые не принадлежали ей исторически.

Материальные вопросы

В связи с явным отсутствием понимания обеими сторонами друг друга, еще более сложным был ответ на вопрос, о чем идет речь в этом споре. Разве только о памяти? Или, как в случае Чехии, появятся требования возврата имущества (имущественные вопросы правительство ФРГ не признало окончательно решенными)? Ожидать ли территориальных претензий, на которые абсурдно намекали некоторые крайние публикации? Уже в 2002 г. Анджей Олеховски (Гражданская платформа) спрашивал, о чем идет речь в требованиях Эдмунда Штойбера (баварского премьер-министра и кандидата в канцлеры) признать выселение немцев беззаконием. Польша ни на какие уступки не согласится, Германия в рамках ЕС не располагает никакими непосредственными орудиями нажима. Итогом

⁴⁵ P. Buras, *Smutna prawda o braku pojednania* // „Rzeczpospolita”, 26.09.2003.

⁴⁶ P. Buras, P.M. Majewski, *Pamięć...*, s. 269 (P. Semka).

может быть отказ немецкой стороны от претензий или же эскалация враждебных настроений⁴⁷.

Во время дискуссий вокруг Центра, как и во многих других дискуссиях об истории, оказалось, что на каком-то этапе они перейдут в требования материального характера, несмотря на то, что пока немецкие власти (это не значит, что все политики), а также люди, вовлеченные в идею Центра, дистанцируются от таких заявлений. Такому обороту дел в польско-немецких отношениях способствовало то, что этот вопрос не был окончательно решен в до сих пор принятых договорах. Господствует, однако, мнение, что это не было результатом немецких планов получения компенсации или возвращения имущества, но его целью было блокирование передачи дел в суд теми лицами, имущество которых было конфисковано и которые хотели бы получить компенсацию от немецкого государства. Эти требования не могли быть признанными, если формально не были решены вопросы собственности⁴⁸. Напоминалось, что правительство ФРГ не решилось после объединения полностью отменить имущественные изменения (признало отчуждения 1945-1949 гг. и их правовые последствия), произведенные в советской зоне. Важнее закона оказалось избежание не способствующих стабилизации социальных и экономических последствий. Польское мнение по поводу оставшегося после немцев имущества противоположно немецкому, так как это имущество считается частью военных репараций. То есть конфискация немецкого государственного и частного имущества за границей без выплаты компенсаций вытекает из признания Германии агрессором. Кроме того, всеобщее признание на международном уровне изменения польско-немецкой границы воспринимается обычно как достаточная гарантия от претензий. Однако к имуществу, доставшемуся Польше после 1945 г., следует добавить

⁴⁷ A. Olechowski, *W oparach absurdu* // „Wprost”, 7.07.2002.

⁴⁸ Вызывает сомнения, признали ли бы суды такие требования имеющими законное основание. Однако, согласно этой оценке, более надежным для властей ФРГ было блокировать возможность передачи дел в суд.

имущество лиц, выехавших в Германию в последующие годы после заявления ими немецкой национальности. Они были вынуждены передать свое имущество родственникам, быстро его продать, а если этого не сделали, оно отходило к польскому государству. В то же время после 1989 г. независимые польские суды подвергли сомнению законность утраты польского гражданства уезжавшими. Поэтому в данной сфере могут возникнуть потенциальные конфликты на имущественной почве.

В среде землячеств требования возврата имущества или выплаты компенсаций появлялись уже ранее, однако в изменившейся атмосфере (в связи с дискуссией о Центре) их реализация была признана возможной. Следствием этого было создание т. н. *Preussische Treuhand*, задачей которого стало оказание поддержки немецким искам о компенсации, направленным в польские суды. В Германии эти действия не воспринимаются как имеющие связь с инициативой создания Центра изгнанных. В Польше, однако, таковыми воспринимаются, считаются фрагментом общей атмосферы вокруг инициативы Эрики Штайнбах. При этом, вероятно, 99% немцев не имеет понятия о существовании такого института, как *Preussische Treuhand*. А многие поляки усматривают в нем реальную опасность. Это особенно касается рядовых граждан, которые после 1945 г. получили в пользование и, как верили, в собственность, имущество на оставшихся после немцев землях, а после 1989 г. все еще сталкивались с бюрократическим и правовым беспорядком, не позволявшим им окончательно утвердить право собственности.

Фактически в результате этого началось сравнение потерь. Какова была стоимость оставшихся после немцев земель: на самом ли деле 19 млрд. евро, как это подсчитали в Германии? А как вычесть потери, связанные с передвижением линии фронта, разрушения, совершенные отступающими немецкими войсками и стоимость имущества, вывезенного специальными советскими комиссиями? Согласно принципам такой эскалации, еженедельник «Впрост» высчитал размер польских военных потерь, а власти Варшавы приняли решение о необхо-

димости расчета материальных потерь города и возможности выдвигания иска о компенсации к правительству Германии. Эта инициатива встретила поддержку даже тех людей, которые заметили ее пропагандистский характер.

На вопрос о возможности получения компенсации за утраченную немцами частную собственность нельзя, однако, дать однозначный ответ (таковым может быть только практическое решение соответствующего европейского суда, куда дела попали бы после апелляций), что дальше подогревало атмосферу. Ситуацию не меняло господствовавшее мнение, что такие заявления будут отклонены. В противном случае не только ставился бы под сомнение европейский порядок, само рассмотрение заявлений по делам, имевшим место до создания существующих сегодня норм и европейских правовых институтов, противоречило бы закону⁴⁹.

Резюме

Диалог все чаще заменялся монологами, что, однако, не обозначало неприятия аргументов другой стороны. В польской прессе печатались высказывания немецких участников дискуссии, в том числе наиболее убежденных сторонников берлинского Центра (Штайнбах). В немецкой прессе появлялись тексты его столь же убежденных польских противников. В Германии также формулировалось мнение (историк Ханс-Ульрих Вехлер) о концентрации немецкой коллективной памяти на Холокосте и собственном страдании, но одновременном забвении совершенных в Польше преступлений и польских жертв («Газета Выборча», 27.08.2003 г.). Общественное мнение в Германии было разделено, некоторые газетные ком-

⁴⁹ Об имущественных вопросах: М. Muszyński, *Rewanżyzm, błędy, czy dobry interes?* // „Rzeczpospolita”, 23.10.03; J. Pruszyński, *Czy powinniśmy przeproszać za wysiedlenie?* // „Rzeczpospolita”, 16.10.2003; *Wypędzeni przygotowują pozwy* // „Rzeczpospolita”, 2.10.2003; I. Kraj, *Warszawa policzy straty* // „Rzeczpospolita”, 7.10.2003. Об отсутствии возможностей говорил немецкий юрист Christian Tomuschat („Rzeczpospolita”, 06.11.2003). О польских опасениях: В. Wasztyl, *Rachunki Krzywd* // „Gazeta Polska”, 1.09.2003.

ментаторы одобряли Центр в Берлине, другие высказывались за его европеизацию (прозвучал, в частности, призыв к этому европейских интеллектуалов и политиков в июле 2003 г.), меньше было противников идеи Центра вообще.

Представляется, однако, что выдвигаемые аргументы не могли убедить большинство. Немцы (то есть большая часть общества) не были в состоянии доказать полякам, что не отрицают ответственности за немецкие преступления и их связь с послевоенными переселениями. Не могли изменить этого и вопросы типа формулируемого П. Глотцем: «Почему вы нам не верите?» («Газета Выборча», 11.08.2003г). Владыслав Бартошевски иронически предлагал создать в Познани музей германизации. Поляки не были в состоянии убедить немцев, что они руководствуются искренним убеждением в создании в Германии новой картины истории, в которой не будет места Польше. Для огромной части немецкого общественного мнения эти опасения были непонятными, иногда воспринимались даже как очередной пример польского нежелания положить конец националистической традиции. В сущности, обе стороны упрекали друг друга в уступках национализму и этноцентрической концентрации на своих страданиях.

При нынешней политической обстановке в ФРГ концепция создания Центра изгнанных в Берлине, по крайней мере как института, располагающего широкой общественной и политической поддержкой, вероятно, блокирована. Представляется, что шире замечаются проблемы, связанные с его размещением. 14 июля 2003 г. появился призыв польских и немецких политиков и интеллектуалов вместе создать Европейский центр изгнанных, не в форме национального института⁵⁰. Польские и немецкие подписи демонстрировали, что мнение в этой дискуссии не зависит лишь от национальной принадлежности. Это, однако, касается только элит, а не обоих обществ. От берлинской концепции начал также дистанцироваться Петер Глотц.

⁵⁰ www2.gazeta.pl, 14.07.2003. Его подписали, в частности, о. А. Бонецки, М. Эдельман, Х.-Дитрих Геншер, Г. Грасс, Р. Зюссмут, В. Тирзе.

От идеи размещения Центра в Берлине отрекся в августе 2003 г. в «Ди Цайт» министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер, вероятно, как по идейным соображениям, так и замечая, что вопрос все более усложняет немецкую политику в Центрально-Восточной Европе, а также в контексте трудностей, испытываемых в процессе реформирования ЕС. Однако его формулировка, что главной проблемой является не изгнание немцев, а совершенный ими процесс самоуничтожения, вызвали в Германии жаркую полемику. Раньше в подобном, «не-берлинском» тоне высказался против Центра в той форме, которую предлагает Союз изгнанных, президент ФРГ Йоханнес Рау. В конце октября 2003 г. он вместе с президентом А. Квасьяневским призвал к совместным инициативам. Как уже говорилось, берлинскую концепцию в форме, предложенной Союзом изгнанных, ранее отверг также бундестаг. 13 августа 2003 г. против нее высказался и канцлер Шредер, а позднее в беседе с премьером Миллером согласовал необходимость размышления над совместной инициативой. В дискуссиях все чаще было слышно, что следует прекратить разговоры о Центре и компенсациях, так как они приносят больше вреда, чем пользы.

Однако идея берлинского Центра изгнанных не отошла в прошлое. Его все еще поддерживает укрепляющаяся демокристическая оппозиция, которая готовится прийти к власти на ближайших выборах. Что существеннее: если проект получил сейчас относительно широкую поддержку в немецком обществе, не исключено, что через некоторое время он вернется, возможно, уже в другой политической ситуации и форме. Кроме того, независимо от позиции властей, невозможно будет помешать созданию Центра в Берлине, если его инициаторы смогут без поддержки государства накопить достаточные финансовые средства. А то, что в Германии происходят существенные изменения в коллективной памяти, в политической культуре, а также в связанных с этим принципах политической корректности, не подлежит сомнению. С конца 60-х годов доминировало убеждение, что испытанные нем-

цами страдания перевешивает ответственность Германии за нацистские преступления. Без сомнения, это неравновесие нарушилось за последнее время, однако трудно формулировать окончательные выводы, так как этот процесс все еще идет.

(перевод неавторизованный)